

АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ

ДОЧЬ

ЗАРЯ

Alexandra Tolstoy

DAUGHTER

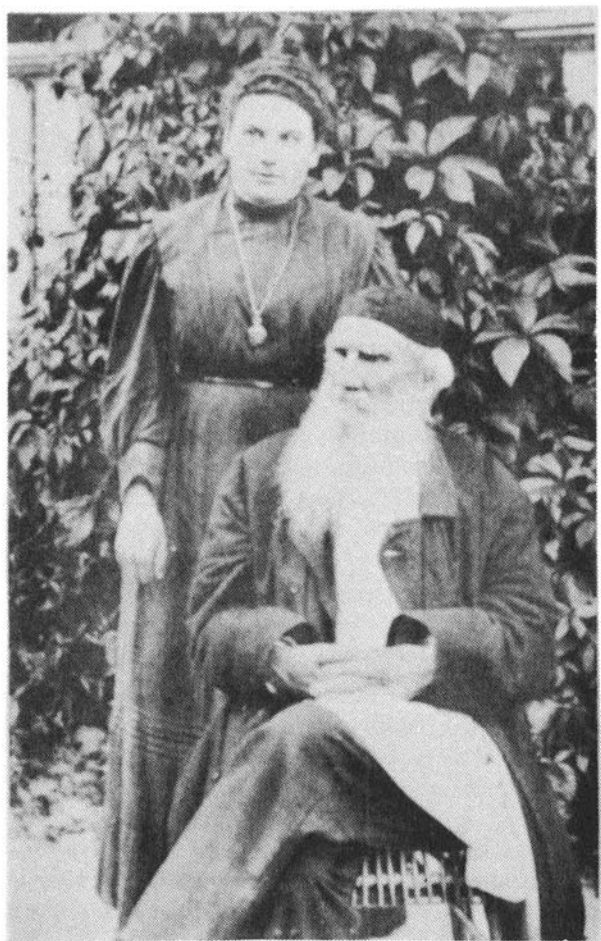
All Rights Reserved

ZARIA PUBLISHING INC.

73 Biscay Road

London, Ontario, Canada

N6H 3K8

Александра Львовна Толстая с отцом.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книга "Дочь" состоит из четырех частей. Вторая часть, "Проблески во тьме", была выпущена отдельной книгой (Вашингтон, 1965) и давно разошлась на книжном рынке. Она перепечатывается здесь полностью. Остальные части публиковались в воскресных номерах нью-йоркской газеты "Новое русское слово". Первая часть ("Из прошлого. Кавказский и западный фронт.") печаталась с 31 марта по 5 мая 1974 года, третья часть ("Волшебная страна. Япония.") — с 30 июня по 29 декабря 1974 года, и четвертая часть ("Первые шаги в Америке") — с 5 января по 1 июня 1975 года. Этот материал печатается с некоторыми сокращениями.

За предоставление права использования текста, помещенного в "Новом русском слове", приношу сердечную признательность Главному редактору Андрею Седых.

Большая помощь была оказана мне секретарем Толстовского Фонда, заслуженным профессором русской литературы и русского языка, Екатериной Александровной Волконской. Вся деловая переписка, переговоры и получение необходимых в ходе работы добавочных разъяснений велись через нее. Е.А. Волконская была душой и движущим рычагом издания настоящей книги. Я выражаю ей многократное, большое спасибо за доброжелательность и помощь.

Невидимую, кропотливую работу в подготовке текста к печати, в составлении именного перечня, в чтении корректуры, оказала мне моя дорогая и верная спутница жизни Галина Викторовна Крыжицкая. Ее неисчерпаемая энергия и юношеский энтузиазм поддерживали меня морально в минуты разных неувязок и временных огорчений. От всего сердца благодарю ее.

С. К.

ДОЧЬ

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?
 Блеснет твой луч и оживит,
 И сон разгонит и туманы...
 Но старые, гнилые раны,
 Рубцы насилий и обид,
Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа...*

Ф.И. Тютчев.

В то время, как весь цивилизованный мир отмечает столетие со дня рождения гиганта мировой литературы Л. Н. Толстого, в спокойной американской деревушке, в Валли Коттедж под Нью-Йорком, мирно и тихо проживает и празднует свое девяносточетырехлетие дочь писателя Александра Львовна Толстая (р. 1884 г.). Жизнь этой замечательной русской женщины не вмещается в рамки настоящей вступительной статьи — жизнь эта слишком большая, бурная, богатая событиями; для исчерпывающего ее воспроизведения потребовался бы обширный биографический труд.

Нам, однако, кажется, что жизнь А.Л. Толстой неуклонно протекала в двух направлениях: жизнь с отцом, для отца, во имя основных отцовских идей — добра, правды, справедливости, служения ближнему — и жизнь для России, для своего народа. Об отце, о жизни с ним, вблизи него, А.Л. Толстая талантливо рассказала в своей книге "Отец" (два тома, изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1953 г.) и нужной и важной книгой этой пополнила

огромную мемуарную библиографию по изучению толстовского литературного наследства. О дальнейшей жизни А.Л. Толстой, после смерти отца в 1910 году, рассказано в серии очерков, воспоминаний и дневниковых записей, охватывающих период до 1939 года. Этот интереснейший материал печатается под общим заглавием "Дочь". Наименование это, предложенное издательством "Заря", в некоторой степени символично: в год юбилея отца мир должен помнить его дочь, которая воплотила в себе всё то лучшее, благородное, непреходящее, всё то, что проповедовал и завещал ее отец.

Книга состоит из четырех неравной длины частей. Она открывается воспоминаниями давно ушедшего времени, столь судьбоносного для России — выстрелом в Сараево и вступлением России в Первую мировую войну, на которую А.Л. Толстая идет добровольцем в качестве сестры милосердия. Обладая незаурядным организаторским талантом, физической выносливостью, смелостью, А.Л. Толстая несет помощь и облегчение в страданиях людям разных национальностей и разного социального положения. Она неутомимо борется со всеми несчастьями, которые всегда и неизменно приносит с собой война. Она всегда на посту среди голодающих беженцев, тифозных, изувеченных страшными ранами, отравленных газами. Она на посту то под немецким артиллерийским обстрелом, то под бомбами с воздуха. Графиня А.Л. Толстая *всегда*, во всех обстоятельствах, со своим народом — с солдатом-крестьянином, с солдатом-рабочим, с офицером. В заключении первой части ("Из прошлого") А.Л. Толстая ставит вопрос:

Но почему же народ избрал коммунистическую власть? Думаю, что ответ один и Толстой также на него ответил — отсутствие веры.

Перестала гореть ярким огнем вера в русском народе и угасла духовная сила, которая одна могла бы противоборствовать грубой, жестокой и беспринципной силе 3-го Интернационала.

О том, что духовная сила в русском народе не совсем угасла, что задавленный "золотой луч" свободы блесит во мраке угнетения, растреления и пустоты, А.Л. Толстая повествует во второй, самой обширной части книги, в "Проблесках во тьме". Здесь А.Л. Толстая очень ярко пишет о своей жизни и о жизни страны

под советской властью до осени 1929 года, противопоставляя народ и власть, "нас" и "их".

Революция застаёт А.Л. Толстую в Минском госпитале. Очнувшись после операции, она узнает от врача, что Великий Князь Михаил Александрович отрекся от престола и с горечью восклицает: "Боже мой!... Значит... Пропала Россия...". Она живо передает сумбур, дурман, хаос первых революционных месяцев. Развал фронта, полнейший упадок дисциплины, бегство солдат домой, митинговые ораторы... Среди последних выступление Керенского. С удивительной меткостью перед нами возникает образ этого незадачливого государственного деятеля.

На высокой трибуне худой человек среднего роста в солдатской шинели охрипшим голосом выкрикивал какие-то слова, которые трудно было разобрать. Мне показалось, что не было простоты, убежденности в речах оратора, в его призывах объединиться для спасения России.

Увидев, что работа на фронте кончена, А.Л. Толстая сдала свой санитарный отряд и уехала в Москву, где развила кипучую деятельность в Обществе изучения и распространения творений Л.Н. Толстого (позднее Кооперативное Товарищество). Самоотверженный труд всех членов "коллектива", работавших в холоде и на полуголодном пайке, не пропал даром: была спасена часть архивов писателя, были восстановлены и приведены в порядок его ценнейшие рукописи.

Дальнейшая жизнь А.Л. Толстой протекает между Ясной Поляной и Москвой. Декретом наркома по просвещению Луначарского она была назначена полномочным комиссаром Ясной Поляны, для спасения и сохранения которой она отдавала все свои силы, всю энергию. Постоянное вмешательство стоящих у власти, местных и областных малограмотных коммунистов, неожиданные обыски и трудности, причиняемые местным Ч.К. и большевицкими парторганизациями, заставляли А.Л. Толстую искать защиты в Москве у Луначарского, Калинина, Менжинского, самого Сталина и прочих потентатов и временщиков. Удавалось это не всегда. Пришлось познакомиться с Лубянской № 2, а потом, после "суда", отсиживать в тюрьме и в концентрационном лагере, устроенном в Новоспасском монастыре. Для исследователя советской лагерной системы эти воспоминания, записанные в лагере, представляют редкую ценность. Эти

записи — документ свидетеля-очевидца, показывающего начальную стадию развития советских карательных органов, которые, неустанно совершенствуясь, создали небывалую еще в истории человечества державу ГУЛаг.

Все годы жизни А.Л. Толстой в Советской России проходили под знаком борьбы за Ясную Поляну, за право сохранить ее как памятник-музей Толстого, уберечь ее от влияний большевических учреждений, от коммунистической пропаганды, военизации, атеизма, от всех подобных веяний, несовместимых с толстовским учением. Когда же, однако, окончательно укоренившийся в России большевизм стал проникать во все отрасли жизни страны и героические усилия А.Л. Толстой отстоять нейтральное положение Ясной Поляны оказались тщетными, она решила покинуть родину.

Получив в конце лета 1929 года, после всевозможных ходатайств, визу в Японию с целью поездок с лекциями о творчестве, жизни и учении отца, она, осенью того же года, покидает Россию. Но до отъезда ей удается совершить ряд экскурсионных путешествий по России. Эти великолепные, незабываемые главы, напоминают по своему замыслу и построению знаменитые "Странствия" И.А. Бунина. Автор прощается с родиной, прощается с ее святынями, историческими местами, с ее природой и людьми, прощается со всем для нее дорогим, непорочным, светлым.

На сорок седьмом году жизни А.Л. Толстая попадает за границу и впоследствии, отказавшись от возвращения в СССР, становится политическим эмигрантом. Уезжая из Советской России, А.Л. Толстая избрала не путь к личной свободе и к устройению своего личного благополучия. Она была далека от этого. Физически покидая родину, она унесла ее с собой в изгнание и поставила себе задачей открывать иностранцам глаза на всё происходящее в Советской России, рассказывать им правду о подсоветской действительности, об угнетенном народе.

Свою политическую деятельность А.Л. Толстая начала с Японии. Япония начала тридцатых годов восхитила ее ("Волшебная страна", часть третья), очаровала своим нравственным обликом, силой своих веками установленных традиций, спокойствием, честностью, порядком, словом всем тем, чего Россия лишилась после революции. Темой очерков о

Японии были не только наблюдения над страной и ее жителями, но и диалог между лектором и слушателями о сути коммунистической власти в России. В Японии было сильно развито толстовское движение, многие японцы-толстовцы бывали в дореволюционной России, некоторые побывали и в Ясной Поляне. Эти люди сохранили о России лучшие воспоминания, но, увы, встречались и другие, попавшие под гипноз новой власти, стремящейся, якобы, осчастливить всё человечество. И вот с ними А.Л. Толстая начала долгую, упорную, непрекращающуюся борьбу за восстановление правды, за развенчание всей лживости политики Красного Кремля. Японские коммунистизующие "либералы", с которыми ей пришлось сталкиваться в течение двадцатимесячного пребывания в Японии, были только прелюдией к позднейшим встречам такого рода на американском континенте, куда она попала летом 1931 года.

Нелегкими были эти первые шаги в Америке (часть четвертая). Чтение лекций на еще не вполне усвоенном английском языке, при мизерной плате за них, не могло дать основных средств к существованию, хотя бы самому скромному и неприязнательному. Отталкивание от больших городов, их грязи, шума, скопища людей, и исконная тяга к земле, к своему углу, к независимой жизни, навели А.Л. Толстую на мысль заняться фермерским трудом, популярным в Америке куроводством. Всю, даже самую тяжелую, не женскую работу, она проделывала сама и, преодолевая физическую усталость, боль рук, нытье всего тела, она не опустила, не снизошла до обрастания материальными благами, столь искушающими и доступными в Америке. Она помнила прощальные слова яснополянских крестьян: "Расскажи им, непременно расскажи, как мы здесь живем, как мучаемся. Может помогут нам! Они верно там не знают про нашу жизнь!" Вот именно про эту "нашу жизнь" в подсоветской России она неустанно рассказывала в своих лекциях и своим влиятельным американским знакомым. Однажды, встретившись в частном доме с первой леди, Элеанорой Рузвельт, хотела просветить и ее, но последняя, оставаясь верной своим просоветским убеждениям, предпочла любоваться прелестным видом Вирджинии... С людьми такого типа А. Л. Толстой приходилось не раз сталкиваться на свободолюбивой американской земле.

От составителя	8
Предисловие: <i>Сергей Крыжицкий</i> — "Дочь"	9

I
ЧАСТЬ
ИЗ ПРОШЛОГО.
КАВКАЗСКИЙ И ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

1 Июль 1914-го	17
2 На фронт!	21
3 Белостокский санитарный пункт	24
4 У подножья Арарата	26
5 В Турецкой Армении	30
6 В город Ван	37
7 Тиф	41
8 Бог с ним, с шофером!	46
9 На Западном фронте	48
10 Госпиталь на 400 коек	52
11 Газы	57
12 Начало конца	63

II
ЧАСТЬ
ПРОБЛЕСКИ ВО ТЬМЕ

1 Революция	69
2 Речи	74

3	"Сестра Толстого"	81
4	"Судьбе вопреки"	85
5	"Батюшка-Благодетель"	90
6	Смерть матери	96
7	Тайная типография	98
8	Мена	100
9	Транспорт	102
10	Бриллианты	104
11	"Распишемся"	110
12	Весна	114
13	Тюрьма	117
14	Латышка	126
15	Скрипач	128
16	Лубянка № 2	130
17	Прокурор	137
18	Суд	139
19	В концентрационном лагере	143
20	Жоржик	151
21	Разгрузка бревен	159
22	Кузя. Комендант и принудительные работы	167
23	Коля и Женя	183
24	Калинин	185
25	Декрет	190
26	Толстовская коммуна	192
27	Осетры	197
28	Скотный	202
29	Артель	206
30	Комитет помощи голодающим	210
31	Школа	215
32	Начало культурной работы	219
33	Травля	223
34	Безпризорные	230
35	Аукцион	234
36	Руководители	236
37	Теории и методы	241
38	Лес рубят — щепки летят	247
39	Я — ходатай по политическим делам. ГПУ	252
40	"Религия — опиум для народа"	256
41	Эксплуататоры	261

IV
ЧАСТЬ
ПЕРВЫЕ ШАГИ В АМЕРИКЕ

	Предисловие	405
1	Как растут ананасы	406
2	Первая "лекция" на американской земле	409
3	Погоня за шляпой	412
4	Американская тюрьма	415
5	Мормоны	418
6	Либералы и пацифисты	420
7	Бездушный Нью-Йорк	424
8	Лекции	427
9	Сизифов труд	432
10	"Не могу молчать!"	436
11	Жизнь в деревне	442
12	США признаёт СССР	445
13	Свой угол	452
14	Смерть Ильи Львовича	458
15	Подозрительные типы	461
16	Добрые люди	464
17	Первая леди	466
18	Что делать?	470
19	Конец фермы	474
20	Солнечная Флорида	478
21	Перемена жизни	483
	Именной указатель	489